

ПАРАДИГМА «ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ПРИРОДА – КУЛЬТУРА – ЧЕЛОВЕК» В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

И. С. Кортowa

*Белорусский государственный университет, ул.
К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь,
skoropanova@bsu.by*

Вскрывается реакция поэта на противоречия современной цивилизации, выявляется двудеяная для Н. Рубцова ценность природы и культуры. Проясняются особенности отстаиваемого Н. Рубцовым «покоя» в противовес разрушительной для человека «активности».

Ключевые слова: цивилизация; природа; культура; удел человека; «покой».

PARADIGM «CIVILIZATION – NATURE – CULTURE – MAN» IN THE LYRICS OF NIKOLAI RUBTSOV

I. S. Kortova

*Belarusian State University, st. K. Marksa,
31, 220030, Minsk, Belarus,
skoropanova@bsu.by*

The poet's reaction to the contradictions of modern civilisation is revealed, the twofold value of nature and culture for N. Rubtsov is revealed. The peculiarities of «rest» defended by N. Rubtsov as opposed to «activity» destructive for man are clarified.

Key words: civilization, nature, culture, man's destiny, «rest».

С именем Николая Рубцова связано появление неакцентировавшегося до него аспекта восприятия современности: поэтизация мира, не тронутая цивилизацией, как опосредованная реакция на крайности научно-технического прогресса и социальных метаморфоз. Образным обозначением этого мира становится у художника природа.

Природа, по Рубцову, – извечная, святая обитель человека, источник его существования и эстетических переживаний. Поэт фиксирует отпадение современного человека от природы и смутно ощущаемую им потребность восстановить связь со своими истоками, постичь естественный ход бытия, уяснить свое положение в мироздании. Природа выступает у Рубцова как эквивалент понятий «красота», «гармония», «вечность», «родина». Но это покинутая родина, утраченный рай, в который человек

возвращается иным, чем покинул: нередко уже душевно надломленным, разочарованным в мире, который создали люди. Подобно лирическому герою Рубцова, он напоминает раненого зверя, инстинктом отыскивающего целебные травы и корешки, жаждущего уединения, спасения, покоя.

Природа Рубцова – мир без людей: мир без жестокости, насилия над человеком, искусственных – зачастую – требований, предъявляемых ему, без бешеного, изматывающего ритма. Это прежде всего огромный, распахнутый во все стороны, открытый в бездонность неба, кажется, не имеющий начала и конца мир органической жизни. Он принадлежит равно всем, и никто не чувствует себя здесь чужим, посторонним, ненужным, напротив – последнего бедняка он делает богачом, бесплатно наслаждающимся свежим воздухом, чистой водой, ароматом трав, красотой пейзажей. Здесь другое измерение времени – оно никуда не торопит человека, выводя из привычного автоматизма существования, отрешая от суеты, побуждая жить в согласии с миром и самим собой. Мир природы, показывает Рубцов, одаривает людей щедро и бескорыстно, ничего не требуя взамен, успокаивает, врачует душу, дает новые силы. Он навеивает мысли о вечном, побуждает выйти за границы своей эпохи в беспредельное пространство мировой жизни, раздвигает пределы человеческого «я».

Не случайно основное место в творчестве Рубцова занимает пейзаж. Как правило, это пейзаж

- поэтизирующий природу, представляющий ее как явление прекрасное,
- психологизированный пейзаж, посредством которого раскрывается внутреннее состояние лирического героя,
- философский пейзаж-размышление о жизни.

Рубцовский пейзаж чаще всего отражает просветление и успокоение, даруемые общением с природой, хотя и не всегда.

Мир природы у Рубцова – антитеза миру цивилизации, во всяком случае – нынешней урбанизированной и технизированной цивилизации, в которой сильны эгоизм и отчуждение между людьми. А природа у поэта – неотъемлемая составляющая пейзажа русской деревни, символизирующей традиционную, патриархальную Русь, где в большей степени сохранились православно-христианские устои жизни русского народа, на что указывает Вифлеемская звезда над полем («Звезда полей»). Помотавшийся по стране поэт в какой-то момент ощутил потребность «осесть» в дорогах ему архангельских местах, как в своем родном доме, где чувствовал бы себя успокоенным, обогретым, защищенным.

За нами шум и пыльные хвосты – Все
улеглось! Одно осталось ясно – Что мир
устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы
[2, с. 226], –

пишет Рубцов в стихотворении «Зеленые цветы».

Не детализируя пережитого и испытанного, в аллегорической форме представление о своей участи поэт дает в стихотворении «Судьба». Он уподобляет здесь себя носившемуся когда-то в чистом поле прекрасному коню, стреноженному и выхолощенному коновалом, превращенному в ломовую лошадь, жизнь которой тяжела и безрадостна.

Мысленно Рубцов постоянно возвращается в прошлое, к дням детства и юности, где видит себя чистым и не изуродованным жизнью, и всегда сопутствующим антуражем у него оказывается природа. Образы природы служат поэтизации лучших лет, в романтическом плане воссоздают мечты молодого героя о будущем.

Природа – это как бы то чистое поле, о котором идет речь в стихотворении, во все стороны света открытый мир свободы и красоты. Она настраивает человека на медитативно-созерцательный лад, переключает его внимание на то прекрасное, что есть в жизни и что позволяет ее вынести. Природа у Рубцова добра к человеку, а мир людей нег. Можно сказать, что природа играет для поэта роль «мира иного», спасительного и благодатного.

Наблюдая результаты технизации и урбанизации, Рубцов скорбно констатирует: мир нерукотворной красоты уничтожается, человечество становится беднее. Сама природа уже нуждается в защите и спасении.

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок. Пусть
век простит мой ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный хотя б
вокзальный дым не заволок!
[2, с. 39], –

перекликаясь с Есениным, восклицает Рубцов в стихотворении «Поэзия». Поэзия у Рубцова – это и есть красота естественной природы, не утилитаризованной и не изгаженной человеком. Островков этой красоты становится все меньше. Не случайно стихи Рубцова о природе нередко печальны, элегичны. Поэт как бы смотрит на нее прощальным взглядом – так прощаются с самым дорогим и прощаются навеки. Рубцов стремится вызвать у читателя чувство благоговения по отношению к природе, осознание ее

неприкосновенности. Для него самого мир природы – наилучшая среда обитания, целительная и умиротворяющая.

И все-таки поэт признается: Но даже
здесь... чего-то не хватает... Недостает
того, что не найти
[2, с. 226].

Как можно понять, не хватает ему прежде всего человеческого общения, понимания, любви. На лоне природы он так же одинок, как и в городской толпе.

Как страшно быть на свете одиноким
[2, с. 213], –

исповедует Рубцов, и это мотив – один из основных в его творчестве.

Более того, природа (например, пустынный ночной пейзаж с мириадами звезд над головой) способна усилить тоску лирического героя, с пронзительной остротой ощущающего свою хрупкость и уязвимость перед мировой бездной, невечность пребывания на земле («Когда стоишь во мгле»). К переживаниям социального, бытового, творческого характера добавляется экзистенциальное страдание. Но природа ни в чем не виновата – просто она не лжет, побуждая человека трезво, реалистически оценить самого себя как антропологический феномен, отбросив иллюзии и самообман.

Метафорой человеческого удела становится у Рубцова поезд, образ которого появляется в стихотворении с одноименным названием и навеянный «машинной» цивилизацией. Ощутимо воздействие на поэта «Заблудившегося трамвая» Н. Гумилева. Начиная произведение в реалистически-конкретном ключе, Рубцов, как и Гумилев, незаметно переводит повествование в символично-космический план, раздвигает границы происходящего до масштабов мироздания. Тем самым подчеркивается, что речь идет о явлении всеобщем, общемировом, неотменимом ничем. Трамвай Гумилева, как и поезд Рубцова, олицетворяет смертную судьбу человека – тот неумолимый рок, который довлеет над каждым. В остальном же поэты расходятся. Гумилев воссоздает загробное путешествие человеческой души в «мир иной» и своеобразное «чистилище», которое она проходит. Рубцов акцентирует непрочность человеческого существования, способного в любой момент оборваться, подобно тому, как мчащийся с огромной скоростью поезд может в самый неожиданный момент потерпеть крушение. Повтор однотипных синтаксических конструкций и возникающий звуковой повтор, использование градации и гиперболы создают атмосферу тревожного, мучительного ожидания неминуемой катастрофы:

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом, И
ему навстречу желтым роем
Понеслись огни в просторе мгlistом. Поезд
мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем Посреди
миров несокрушимых
[2, с. 282].

Если выделить опорные понятия (для которых характерно повышенно частотное употребление в тексте), ими будут: «мчался» – «перед самым, может быть, крушеньем». Трогательную беззащитность человека перед лицом смерти обнажает появление автобиографических мотивов. Заставляют сжаться сердце строки:

Перед самым, может быть, крушеньем Я
кричу кому-то: «До свиданья!»
[2, с. 282].

Доведя читателя и самого себя до крайней степени нервного напряжения, Рубцов как будто не выдерживает больше ожидания ужаса, о котором пишет, пытается чем-то от него заслониться:

Но довольно! Быстрое движенье Все
смелее в мире год от году.
И какое может быть крушенье, Если
столько в поезде народу?
[2, с. 283].

Речь идет не об отмене смертного приговора природы, а об отсрочке. Вероятность преждевременной гибели, действительно, относительно невелика (хотя с Рубцовым это произошло). Но все равно катастрофа (а для человека его смерть – всегда катастрофа) когда-нибудь случится с каждым. Род человеческий будет продолжать свое существование, однако само это существование для мыслящей личности неотделимо от трагедии у х о д а . Может быть, сознание этой общей трагедии способно объединить людей, побудить их быть добрее и терпимее друг к другу? И именно на это настраивает автор?

Хрупкость человека – один из сквозных мотивов поэзии Рубцова. Его лирический герой очень раним и ничем не напоминает тех железных людей,

из которых на заре советской власти предполагалось делать гвозди («Баллада о гвоздях» Н. Тихонова). Хотя он редко жалуется на судьбу, все загоняя вглубь, производит впечатление человека душевно надломленного и страдающего от отсутствия любви и тепла, так и не преодолевшего одиночества, в то время как молодость прошла. Для него достаточно характерны перепады настроения – от просветленнооптимистического:

Доволен я буквально всем! На

животе лежу и ем

Бруснику, спелую бруснику!

[2, с. 241], –

до печально-драматического:

В горьких невзгодах прошедшего дня

Было порой невмочь. Только одна и

утешит меня – Ночь, черная ночь!

[2, с. 266], –

и «примиренческого» – чаще с помощью выпивки:

Красным,

белым и

зеленым

Мы поддерживаем жизнь

[2, с. 310].

Правда, лирической герой ищет исцеления:

Нет, не все, – говорю, – пролетело! Посильней

мы и этой беды!

[2, с. 309], –

но в стихотворении «Расплата» показан как

Неприкаянный, мрачный, ночной

[2, с. 311], –

чем далее, тем более замороженный мыслями о смерти («Село стоит...», «Ах, что я делаю, зачем я мучаю...», «Я умру в крещенские морозы...»).

В этом, как представляется, получают преломление «дневная» и «ночная» ипостаси рубцовской натуры: сфера сознания и бессознательного, причем ни одна из них не отрицает другую. Сфера сознания попрежнему озарена светом любви к «тихой родине», «коренной» России с ее природой и людьми, сфера бессознательного «проговаривается» об утраченном,

«несбывшемся», пугающем. Подобное чередование светлого и темного начал обнаруживает и творчество С. Есенина 1925 года, что указывает и на сверхличностный характер изображаемого: расхождение идеала и действительности и их последствия в душе человека.

И дело не только в личных качествах и обстоятельствах жизни. Оба поэта акцентируют не всесильность человека, даже движимого добром, вообще. Рубцовский гуманизм настраивает на жалость, сострадание, предельно бережное отношение к тому, кого так легко сломать и кто от природы обречен. Активности, радикальной ломке мира, от которой в нем стало больше драм, Рубцов противопоставляет созерцательность, покой, непричинение вреда ничему живому. Художник сильнее всего желает,

Чтоб в этот час осеннего распада
И в близкий час ревущей снежной бури
Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала, Когда не
будет памяти о нас...
[2, с. 169–170].

Сам плавный, неторопливый ритм стиха, его элегическая интонация, нежная и как бы приглушенная музыка создают атмосферу мягкости, медитативности, успокоения. Возникающая в произведениях Рубцова гармоническая реальность завораживает, втягивает в себя, обволакивает читателя, гасит в нем потенциал агрессивности, просветляет. Фетовская традиция чистой лирики восстанавливается в своих правах, соединяется с традицией тютчевского философского пейзажа с его трагедийной подоплекой. Через Фета и Тютчева воспринимает Рубцов и Пушкина. Процитированные выше строки восходят к знаменитой пушкинской формуле:

На свете счастья нет, но есть покой и воля
[1, с. 216], —

однако «воля» у Рубцова исчезает и заменяется понятиями, служащими для обозначения феноменов, украшающих и одухотворяющих «покой», — «труд»¹ и «поэзия». Волевое начало Рубцова, скорее, пугает, так как ассоциируется с принуждением и подавлением, упорством в осуществлении химер, столь характерными для XX столетия. О покое же человек новой

¹ В одном из вариантов стихотворения — «любовь».

эпохи, вовлекаемый в войны, революции, контрреволюции, подвергаемый социальной хирургии «без наркоза», и думать забыл. Рубцовский «покой» вкупе с «трудом» и «поэзией» вызывает ассоциации с миром, ладом, счастьем.

«Покой» поэта предполагает одухотворенное существование: это важнейшее – условие для работы мысли, наслаждения искусством, собственного творчества. Поэтому «покой» служит у Рубцова для совершенствования самого человека (а не обустройства внешних форм жизни) и в конечном счете – для нравственного прогресса общества.

Время же как будто нарочно не дает человеку сосредоточиться на самом себе, культивирует публичность, общественность, коллективизм, всевозможные социальные эксперименты... Но без совершенствующегося человека, «обустроивающего» самого себя, свою душу (если воспользоваться словами Ортеги-и-Гассета), цивилизация меняется только в направлении увеличения технократического могущества – отчуждение между людьми, жестокость и вражда остаются неизбывными.

Рубцов акцентирует духовно-деятельный характер поэтизируемого им «покоя». Ничего общего он не имеет с полурастительным существованием.

В стихотворении «Добрый Филя» художник воссоздает почти идиллическую картинку мирной патриархальной жизни на лоне природы и в полном согласии с природой, доводит до приторности и сусальности представления почвенничества об идеале. Восхищение излюбленным почвенниками национальным типом² неотделимо у поэта в данном случае от критического прищуря:

Мир такой справедливый, Даже
нечего крыть...
– Филя! Что молчаливый?
– А о чем говорить?
[2, с. 43].

Славному поселянину просто не о чем поговорить с забредшим гостем – интеллектуальные интересы у него отсутствуют, кругозор сужен.

А лирический герой Рубцова несет с собой в мир природы и сельской жизни духовно-созидательное, творческое начало, которое дополняет бытие прекрасного, но «молчаливого» естественного мира. В природе «не хватает»

² У Рубцова опозитизированным в его лучших качествах в «Русском огоньке».

(«Зеленые цветы») ему не только человеческого тепла, но и культуры. Это «человек культурный»:

Я не один во всей вселенной. Со
мною книги и гармонь,
И друг поэзии нетленной – В
печи березовый огонь...
[2, с. 178].

По существу, Рубцов утверждает двуединство природы и культуры как «естественную среду» обитания человеческого духа.

Когда осенний ветер «вносит в жизнь смятение и тоску» и от одиночества становится невыносимо, лирический герой ищет общения с людьми, хотя бы возможности соприсутствия с ними в ресторанном зальчике на пароходе. Сюрпризом оказывается встреча с добрыми знакомыми, приглашаемыми к столу. Беседа об интересующем меняет настроение на противоположное:

Вдоль по мосткам несется листьев ворох, –
Видать в окно – и слышен ветра стон,
И слышен волн печальный шум и шорох,
И, как живые, в наших разговорах Есенин,
Пушкин, Лермонтов, Вийон
[2, с. 256].

Культуру поэт не смешивает с цивилизацией, напротив показывает, что она, подобно природе, понесла от цивилизации немалый урон. Характерная деталь рубцовского пейзажа – разрушенная белая церковь. О необходимости восстановления памятников старины говорят стихотворения «По вечерам», «Ферапонтово», «О Московском Кремле». Душа поэта хранит «всю красоту былых времен», но она несет в себе и печаль.

Подчас лирическим героем Рубцова владеет чувство необъяснимой тоски, которая не порождена какими-то конкретными причинами и не направлена ни на что конкретно. Что-то в человеке плачет и жалуется, а что, он и сам не знает (наверное, именно в таких случаях собака начинает выть на луну). Не тоска ли это о том, «чего на свете нет» и что существует только в мечтах и снах-грезах поэтов? Или это бессознательное сигнализирует о накопившихся обидах одинокой и беззащитной души? А может быть, это древний ужас перед жизнью, столь суровой подчас для человека, и маячащей впереди смертью встает со дна души? Что-то же породило такие рубцовские строки:

Постучали в дверь, Открывать не
стал,
Я с людьми не зверь,
Просто я устал,
Может быть, меня Ждет за
дверью друг, Может быть,
родня... А в душе – испуг [2,
с. 161].

И все же философия жизни Рубцова – трагедийно-просветленная. Она предполагает способность выдержать непосильное подчас давление действительности и страх смерти, поиск спасения в природе, культуре, творчестве, потребность в обретении гармонии с миром и гармонизацию самого бытия («Осенние этюды»). Также Рубцов предлагает не сваливать

Вину свою на жизнь
[2, с. 318], –

а и с себя самого спрашивать: что творишь? не губишь ли себя?

Проклятий жизни у Рубцова нет, а поводов для раздумий его поэзия дает предостаточно.

Библиографические ссылки

1. *Пушкин А. С.* ПСС: в 6 т. Т. 2. М.: Госиздат худож. лит., 1949. С. 216.
2. *Рубцов Н.* Тихая моя родина. М.: Эксмо, 2009.